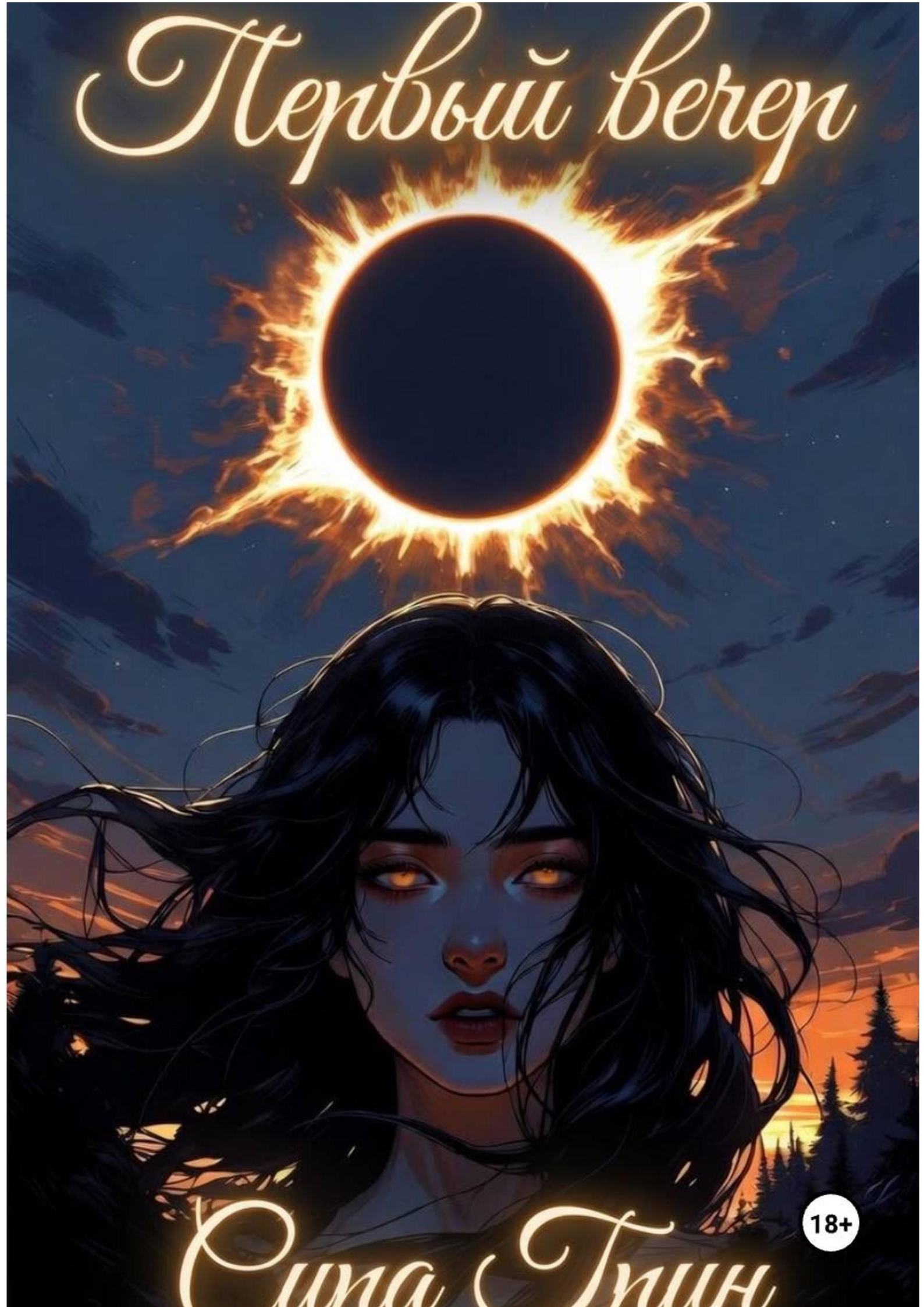

Первый берег

Саша Тинн

18+

Сира Грин
Первый вечер

«Автор»

2026

Грин С.

Первый вечер / С. Грин — «Автор», 2026

В семье, где каждый наделён благословением солнца, я рождена быть вечной мглой. Моя сила — приговор, жизнь — ошибка, а каждый вздох, согласно пророчеству, приближает общую гибель. Мой план был прост: остаться незаметной. Пусть безупречная сестра и её благородный жених запечатывают зло и спасают мир. Я не стану мешать их триумфу, я лишь хочу, чтобы обо мне наконец забыли. Но случайности редко бывают случайны, и тихая жизнь в оборачивается ловушкой. Когда судьба в одночасье рушит чужие идеальные планы, мне приходится выйти из тени. Теперь передо мной стоит единственный выбор: смиренно ждать конца в сторонке или заставить этот мир играть по моим правилам.

© Грин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пятно на солнце.	5
Глава 2. Ключ от Изнанки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сира Грин

Первый вечер

Глава 1. Пятно на солнце.

Оглушительный, резкий удар обжёг щеку, выбив из горла сдавленный писк. В ушах мгновенно поднялся тонкий, сверлящий звон, заглушая все остальные звуки. Я машинально коснулась лица: пальцы были ледяными, и эта мимолётная прохлада лишь сильнее подчеркнула то, как сильно горела и саднила кожа.

— Не смей так разговаривать с сестрой! Живо извинись! — голос отца гремел над самой головой.

Я попятилась назад, не сводя с него взгляда, он же всё наступал, массивная фигура перекрывала свет ламп. Там, в паре метров от нас, за плечом матери укрылась Эрика. На пухлых розовых губах застыла едва уловимая, торжествующая ухмылка. Стоило мне посмотреть на неё, как она тут же опустила ресницы: взгляд оставался нарочито кротким, почти святым. О, она виртуозно играла роль «бедной и несчастной» жертвы — хрупкого, беззащитного ангела, чей светлый лик посмела осквернить непутёвая сестра.

— Не буду, — процедила я, слизывая кровь с разбитой губы.

Гнев помог перебороть секундную слабость. Подавив дрожь в коленях, я заставила себя расправить плечи, с ледяным спокойствием встречая ненависть в глазах напротив. Не позволю смотреть на себя сверху вниз

— Она первая на

— Не смей лгать! — резкий, визгливый голос матери буквально разрезал воздух. — Ты вечно её провоцируешь! Тебе лишь бы довести сестру до слёз!

Женщина сделала осторожный шаг вперёд, но так и не решилась полностью выйти из-за широкой, «надёжной» спины мужа. Но даже так я чувствовала запах её духов — сладкий, приторный, удушающий аромат, от которого меня с самого детства слегка мутило.

— Конечно, мне ведь больше делать нечего! — ядовито бросила я в лицо обоим, чувствуя, как в груди вскипает застарелая обида. Хотя за столько лет глупо было не привыкнуть. — Это при вас она сама невинность. А когда мы остаёмся одни знали бы вы, что из неё выходит.

Я в упор, не мигая, посмотрела на сестру. Стоило нашим глазам встретиться, как её победная ухмылка мгновенно сползла, сменившись маской обиды. Секунда — и по щекам покотился град фальшивых, кристально чистых слёз.

— Как ты смеешь! — взревел отец, багровея от ярости. Вена на его виске вздулась. — Мерзкая, неблагодарная девчонка

Его огрубевшая ладонь снова взметнулась для удара. Но в этот раз я не зажмурилась. Не съёжилась, ожидая боли, и не отшатнулась. Пальцы стальным захватом сомкнулись на его запястье за долю секунды до того, как он успел коснуться моей кожи.

В комнате воцарилась неестественная тишина. По руке отца, прямо из-под моих сжатых пальцев, поползли чернильные волны. Тягучие, живые, они стремительно окутывали его кожу, поднимаясь к предплечью и стремясь доползти до самой шеи.

В карих глазах мужчины, ещё секунду назад полыхавших гневом, теперь явственно проступал ужас. Он судорожно дёрнулся, пытаясь вырваться, но я держала крепко.

— Зря ты бросаешься такими словами, если боишься меня, — шипением вырвалось из моего горла.

Я продолжала неотрывно вглядываться в его расширенные зрачки. Я искала там хоть каплю вины, запоздалого раскаяния или искупления. Но нет. В отражении его глаз я видела лишь себя. И в этом отражении я была не дочерью. Я была монстром.

Резко, с отвращением я отбросила его руку от себя. Отец пошатнулся и поспешно отступил назад, ближе к жене. Я обвела «семью» взглядом, в котором, казалось, не осталось ничего, кроме равнодушия.

— Жалкие трусы, — выдавила я, с трудом проглатывая колючий ком в горле. Глаза нещадно зашипало от невыплаканных слёз, но я заставила себя не моргать. Не дождутся. — Радуйтесь Вы своего добились. Но знаете что? Лучше уж быть монстром, чем такими, как вы.

Никакой реакции не последовало. Они не кричали, не спорили — просто продолжали прожигать меня настороженными взглядами, будто ожидая, что я вот-вот кого-то грохну.

— Я много просила?! — сорвалось с языка глухим, яростным рыком. Руки мелко задрожали. — Не моя вина, что мне досталась эта сила! Неужели было так сложно проявить ко мне хотя бы каплю любви?!

Эмоции внутри закипали, требуя выхода. Тень у ног, чутко отозвавшись на этот гнев, беспокойно вздрогнула, зашевелилась и уродливыми кляксами потянулась вверх по стенам. Родители синхронно втянули головы в плечи.

— Я пальцем никого из вас не тронула, — продолжала я, и голос мой звенел от накопившейся за годы боли. — Но вы и все наши «святые» родственники вините меня в каждой своей неудаче. Если беды преследуют вас, может, стоит наконец поискать причину в себе? То, что я родилась другой, не делает меня виновницей вашей никчёмной жизни.

Я резко развернулась. Тёмная сила внутри бурлила, едва удерживаемая в узде, готовая вырваться и разнести этот чёртов дом. Быстрым, размашистым шагом я направилась к лестнице. На самой верхней ступеньке я замерла лишь на секунду, чтобы бросить через плечо свой последний, холодный дар:

— Это был последний день, когда я называла вас семьёй. Наслаждайтесь тишиной — в вашем доме стало на одно чудовище меньше.

В своей тесной комнатке я лихорадочно швыряла вещи в заранее приготовленный чемодан. Я давно знала, что этот момент настанет. Я ждала его, как освобождения. Сердце больше не ныло из-за того, что приходится уходить. Да и был бы повод. Это место никогда не было моим домом.

Когда я спускалась обратно с чемоданом в руках, Эрика даже не пыталась притвориться несчастной. Её триумф был абсолютным — губы искривились в наглой, самодовольной ухмылке победительницы. Родители же сидели на кухне. Они безмятежно прихлёбывали чай из фарфоровых чашек, словно я была всего лишь назойливой мухой, которая кружила над ухом и наконец-то вылетела в окно. Они даже не обернулись.

Я толкнула дверь и шагнула за порог. Прохладный ночной воздух резко хлестнул по лицу, принося с собой долгожданное очищение. Только сейчас, оказавшись за коваными воротами этого фамильного склепа, я позволила слезам свободно покатиться по щекам.

Но это не была скорбь, это была смесь из разочарования и пьянящей, чистой радости.

Я остановилась и впервые за долгие годы вдохнула полной грудью, чувствуя, как расправляются лёгкие. Наконец-то свободна. Впереди расстилалась неизвестность, но она была тысячекратно прекраснее того ада, который я навсегда оставила за спиной.

Я проснулась ужасно разбитой, словно десяти часов крепкого сна и не бывало. Удушливые воспоминания о прошлом ударили по голове сильнее любого будильника. Впрочем, у этого кошмара был свой плюс — он подействовал получше самого крепкого кофе.

Я рывком сбросила одеяло, вскочила с кровати и быстрым шагом направилась в ванную, желая поскорее смыть с себя эти ненужные видения.

Тот день, он ведь был одним из лучших. Так отчего память подкидывает мне его в виде кошмара? Я не горевала тогда, уходя с одним чемоданом, и уж точно не жалею сейчас. Стоит ли теперь ждать беды? В моём случае сны о доме, вряд ли знаменуют что-то хорошее.

Я добралась до раковины, открыла кран и плеснула в лицо ледяной водой. Кожу обожгло холодом, вот только это не сильно помогло. Из зеркала на меня всё ещё смотрела та сломленная девчонка, которую собственная семья возненавидела лишь за то, что она родилась иной.

В полумраке ванной за моей спиной едва заметно качнулась тень, словно сочувствующе приветствуя свою хозяйку. *Ну подумаешь, тёмный дар. Разве это повод клеймить меня монстром?*

Я нервно пригладила растрёпанные чёрные волосы, пытаюсь пальцами распутать колтуны. *Хотя кого я обманываю? Дело ведь не только в тени. Я ещё и духов вижу. В наших реалиях эта способность издревле считалась священным преимуществом, даром шаманов. Но существовало одно негласное правило: если в твоих жилах не течёт кровь великих кланов, а ты смеешь смотреть духам прямо в глаза — для общества ты не избранный Ты — опасное порождение бездны.*

Я снова набрала в ладони ледяную воду, силясь смыть хотя бы синеватые мешки под глазами, которые затмевали золото моих зрачков. *Всё ведь только-только наладилось Как мне теперь прикажете не оглядываться и не волноваться на каждом шагу?*

Чтобы окончательно остудить голову и вернуть утраченный контроль, я шагнула под прохладные струи душа. Но даже это не приносило долгожданного облегчения. Стоило закрыть веки, как перед глазами то и дело вспыхивали отголоски прошлого.

Моя тесная, но всё же уютная комнатка под самой крышей, дверь которой родители не открыли ни разу — даже когда я, будучи ребёнком, сгорала от тяжёлой лихорадки на грани между жизнью и смертью. Старые вещи, сиротливо пылившиеся на верхней полке шкафа — те самые «щедрые обновления», которые Эрика милостиво позволяла мне донашивать за ненадобностью. И вечные, пронизывающие до костей холодные вечера, которые я проводила в абсолютном одиночестве, пока за стеной весело шумела моя «семья».

Я сердито, наспех обтёрлась полотенцем, на ходу замотала мокрые волосы в тюрбан и снова оказалась перед зеркалом, продолжая утренние процедуры. Руки слегка подрагивали, когда я наносила крем.

И всё же, несмотря на всю ту домашнюю гниль, по-настоящему одинокой я не была никогда. У меня всегда был Бум — верный дух, сопровождавший меня, кажется, с самых первых шагов. И старый шаман, который заменил мне любого кровного деда.

Мысли о дедушке вызвали на губах тёплую улыбку. Он спас меня от злобного духа, когда мне было девять. В ту ночь я, зарёванная, в соплях и слезах, сбежала после очередной ссоры из дома и до темноты плутала по лесу, ища путь обратно. Именно тогда на меня и наткнулся преследователь из Изнанки, жаждавший заполучить моё тело. Если бы не Кристофер

После встречи с шаманом я больше никогда — ни единой клеточкой своего сердца — не желала возвращаться в «родные стены».

Моя судьба не волновала родственников, самое главное, чтобы я не светила на глазах, и не оскверняла их свет, своим мраком.

Именно поэтому всё своё свободное время я с тех пор проводила в уютном уединённом домике у самого края леса. Там шаман терпеливо обучал меня тому, чему, по твёрдому убеждению моих родственников, мне обучаться категорически не следовало. Кристофер открыл передо мной двери в совершенно иной мир. Он часто мягко касался моего плеча и приговаривал: *«Не закликайся только на людском мире, Рут. Ты создана для гораздо большего».*

Дедушка, как и Бум, был единственным, кто никогда не боялся моей силы. Наверное, только благодаря их вере я тогда не сошла с ума от собственного дара и научилась держать его в узде.

И пусть два года назад моё формальное обучение завершилось, мы не прекратили общаться. Напротив, каждые три месяца мы отправлялись в «путешествие», которого я всегда ждала с нетерпением. И надо же — какая ирония: благодаря кошмару я умудрилась проснуться вовремя и никуда не опоздать.

Я не спеша вышла из ванной, поправляя полотенце на голове. До назначенной встречи оставалось ещё два часа — вполне достаточно, чтобы окончательно стряхнуть с себя остатки оцепенения и вышвырнуть из мыслей осадок сна.

Комната встретила меня бодрящей, даже резкой прохладой, всю сквозившей из распахнутого настежь окна. Похоже, моему несносному хранителю снова стало душно. Бум замер прямо в оконном проёме, блаженно подставляя своё бесформенное тело утренним порывам ветра. Его белёсая, полупрозрачная фигура то и дело плавно колыхалась и подёргивалась от сквозняка.

По своей природе Бум был водным элементом третьего класса — низшим духом, не помнящим ни своего истинного имени, ни момента рождения. Он годами бесцельно и скитался между мирами, пока судьба не столкнула его со мной. Я до сих пор не знала, что именно притянуло это призрачное создание к моей «неправильной» энергии, но была бесконечно благодарна ему. За то, что в гнетущем безмолвии отчего дома он выбрал остаться на моей стороне.

Я подошла к окну и решительным движением захлопнула створку — в комнате уже можно было вывешивать сосульки. Дух медленно, словно нехотя, обернулся, уставившись на меня своими круглыми лазурными глазами.

Вообще-то, по всем законам мироздания, низшим сущностям не положено иметь ни собственной воли, ни тем более эмоций. Но Бум был редким, почти невозможным исключением. Те духи, кто слишком долго пребывает подле людей, неизбежно начинают зеркалить их суть. Они постепенно обучаются чувствовать, сопереживать и — как в случае с моим хранителем — проявлять характер.

Поняв, что лафа с ветром окончена, Бум недовольно всколыхнулся. Перелетев через комнату, он демонстративно опустился в моё любимое мягкое кресло у стола и устроился в нём поудобнее, всем своим видом показывая, что крайне недоволен.

— Я не пойду с вами, — прозвучал голосок, похожий на капризный мальчишеский лепет.

— Как хочешь, — легко отозвалась я, продолжая подсушивать влажные волосы полотенцем.

Я буквально затылком почувствовала, как это полупрозрачное чудо надулось. Если бы у Бума было обычное человеческое лицо, я уверена, он бы сейчас комично выпятил нижнюю губу и раздул щёки от нестерпимого возмущения.

— Останусь здесь. Совсем один. В абсолютной тишине и одиночестве, — продолжал он вдохновенно, с театральным трагизмом нагнетать драму.

— Да-да, как скажешь, — парировала я, даже не удостоивая его взглядом и продолжая свои утренние процедуры.

— И буду делать вообще всё, что мне вздумается! — в голосе духа наконец прорезались бунтарские нотки.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь, — я, сдерживая улыбку, наконец развернулась к нему лицом, скрестила руки на груди и выразительно посмотрела на это белёсое недоразумение в моём кресле. — На самом деле, Бум, я тоже считаю, что сегодня тебе лучше побыть дома. В наше прошлое путешествие духи-задиры снова пытались тебя спровоцировать. А у меня, если честно, нет ни малейшего желания в очередной раз разнимать ваши потасовки.

— Да они просто придурки! — взорвался «мальчишка».

От этого внезапного эмоционального всплеска вода в стакане, мирно стоявшем на тумбочке, бешено закрутилась воронкой. В следующую секунду она послушным Буму тонким

столбом взметнулась к самому потолку и с громким плеском рухнула вниз, мгновенно заливая несчастный паркет.

Я лишь тяжело вздохнула, глядя на образовавшуюся лужу.

Эти «придурки», как яростно величал их Бум, на деле были духами среднего класса. По уровню развития — точно такие же взбалмошные подростки, как и мой хранитель, разве что рангом они были чуть выше, да и силой потяжелее. Они никогда не упускали случая злобно поглумиться над ним. Низший элементаль, да ещё и добровольный, преданный «прислужник» у человека — мишень, мимо которой просто невозможно пройти без издёвки.

Каждый раз, когда Бум, закипая от обиды и негодования, пытался доказать им, что он мой друг, а вовсе не раб, задиры лишь заходились в хохоте. В их жестоко выстроенном иерархическом мире сама мысль о дружбе между человеком и духом считалась абсурдом. Для них существовало только одно правило: сильный повелевает, слабый беспрекословно подчиняется.

Как и полагается капризным мальчишкам, их словесные перепалки неизменно заканчивались потасовками. Со стороны это зрелище выглядело почти комично: духи яростно осыпали друг друга стихийными искрами и брызгами, а потом, насквозь промокшие и до глубины души оскорблённые в своих лучших чувствах, обиженно разлетались по углам. Дедушка всегда советовал мне не вмешиваться в эту «песочницу», но порой мне становилось так горько за своего хранителя, что я попросту не выдерживала.

Обычно хватало пары моих взглядов, чтобы задиры поспешно стихали и улетали. Вот только на их место неизменно являлись новые. Мой призрачный друг притягивал к себе неприятности как магнит — то ли из-за своего строптивого, гордого нрава, то ли из-за того, что его судьба намертво сплелась с моей.

С судьбой «проклятой шаманки»

Именно так величали меня в мире духов. Но, в отличие от мира людей, там это прозвище не было плевком в спину, оскорблением или клеймом позора. Напротив, в Изнанке оно звучало как признание моей исключительности. «Шаманка» — потому что я способна видеть сокровенное от чужих глаз и вхожа в их тайный мир. «Проклятая» — вовсе не из-за моей тёмной магии, а от того, что я не принадлежала ни к одному великому клану и не была шаманкой в привычном понимании этого слова.

Мы с Бумом составили идеальный, хоть и безумный тандем: «неправильная» ведьма и дух, который по уровню осознанности и скрытой мощи уже давно перерос свой низший статус и всю дышал в спину среднему классу.

— Да-а придурки, — согласно протянула я, качнув головой и невозмутимо перешагивая через разлившуюся по паркету лужу.

Подошла к гардеробу и решительно распахнула массивные дверцы, задумчиво перебирая вешалки. Сегодня требовалось выбрать нечто особенное. Что-то более презентабельное для встречи с учителем, но в то же время достаточно удобное для предстоящего путешествия.

— Не злись на них, — добавила я мягче, наконец выживая из недр шкафа свою любимую объёмную чёрную толстовку с глубоким капюшоном. — Ты ведь сам знаешь: они тебе просто завидуют. У тебя есть то, чего им при всей их силе никогда не достичь.

— Ну да, идиоты, что с них взять, — мгновенно оттаял и довольно проворчал дух.

Белёсое тело всколыхнулось, он подлетел ближе и завис прямо над моим плечом прохладным бесплотным облаком. Лазурные глаза Бума смерили взглядом ткань в моих руках.

— Слушай, Ру а ты не могла бы надеть сегодня что-то другое? — в его голосе снова прорезались капризные нотки. — Ты постоянно в этом балахоне туда таскаешься. У меня от него уже глаза мозолит.

— И что с того? — я даже не обернулась, критически изучая содержимое полок в поисках подходящих джинсов.

— Как это «что»?! Будешь позорить меня перед высшими сущностями! — не унимался Бум, окончательно входя во вкус. — Они же посмотрят на нас и скажут, что у моей шаманки всего одна приличная вещь во всём гардеробе. Так и зашепчутся за спиной: «Смотрите, смотрите, опять она припёрлась в одном и том же»

— Лети-ка ты отсюда, а? Тоже мне, стилист выискался, — я со смешком потянулась к нему.

Пальцы утонули в едва ощутимом, прохладном теле, на ощупь похожем на влажный утренний туман. Я шутиливо, беззлобно оттолкнула навязчивое существо в сторону.

— Ну и ходи как чмония, — обиженно буркнул «мальчишка».

Элементаль картинно, с глубоким вздохом уплыл обратно к окну. Он замер в проёме, скрестив невидимые руки на груди и делая вид, что безумно, до глубины души увлечён созерцанием пустой сонной улицы, по которой лениво кружил первый ноябрьский иней.

Я невольно улыбнулась, но всё же решила сжалиться над утончёнными эстетическими чувствами своего придирчивого сожителя. Повесив любимую толстовку обратно на плечики, я выживала из глубин шкафа мягкий серый джемпер крупной вязки и подобрала к нему плотные классические джинсы тёмно-синего цвета.

Перед выходом высушила волосы, слегка накрасилась, а затем быстро зашнуровала любимые кроссовки, накинула на плечи лёгкую куртку и, бросив мимолётный оценивающий взгляд на своё отражение в зеркале, направилась к выходу из квартиры.

Бум, вопреки всем своим недавним клятвам остаться дома, демонстрации «гордого» одиночества и показательной обиде, неизменно последовал за мной, стоило мне только взяться за дверную ручку. Он плыл по воздуху чуть позади, строго сохраняя дистанцию в полметра и всем своим видом показывая, что просто летит мимо по своим сугубо личным, сверхважным делам.

Но слишком хорошо его знала. Мой хранитель ни за что на свете не пропустил бы нашу встречу с шаманом.

Глава 2. Ключ от Изнанки

Я неторопливо брела к месту нашей встречи — старому парку у пруда, затаившемуся в паре кварталов от моего дома. Пустые аллеи встретили меня безмолвием и тихим, унылым шорохом голых ветвей. По привычке я прошла напрямиком к небольшому фонтану, чья круглая каменная чаша была до краёв заполнена тёмной, застоявшейся водой.

Остановившись, я оперлась руками о серый, покрытый слоем влажной пыли камень. Несколько секунд вглядывалась в непроглядную муть воды, скользнула взглядом по потрескавшейся фигуре девы с кувшином, а затем вновь отвернулась к пустым дорожкам парка.

Резкий, холодный порыв ветра ударил по лицу, вынуждая меня поглубже спрятаться в кокон капюшона. Я хмуро наблюдала за тем, как на угнетающих скелетах деревьев дрожат последние жёлтые листья, пока очередной порыв стужи не срывает их, безжалостно швыряя в грязь.

Терпеть не могу ноябрь. В это время года мир кажется мёртвым, выцветая до серых, неприятных глазу оттенков. В такие дни хочется запереться в четырёх стенах, обложиться книгами и не показываться на свет до весенней оттепели. Но нашу сегодняшнюю вылазку в мир духов я не пропустила бы ни за что на свете: там, среди призрачных туманов Изнанки, я чувствовала себя куда органичнее и спокойнее, чем среди обычных людей.

— Ну и где этот старикашка? — возмущённо забормотал Бум, нервно нарезая круги в воздухе. — На улице вообще-то не май месяц! Он что, не может шевелить своими ногами хоть чуточку резвее?

Окончательно «продрогнув» от сырого ветра, Бум забавно съёжился, уменьшившись до размеров теннисного мячика, и шустрым комочком юркнул в глубокий карман моей куртки. Я тихонько хмыкнула, опустила руку в карман и накрыла его ладонью, делясь теплом.

Вскоре тишину парка нарушили неспешные, размеренные шаги. Я обернулась. С противоположной стороны аллеи, укутавшись в длинное пальто тёмного цвета и объёмный шерстяной шарф, шёл мужчина. Он двигался плавно, с каким-то особым, почти гурманским наслаждением разглядывая унылые осенние пейзажи. Наставник часто называл это время года «живописным увяданием». Даже сейчас, когда природа была абсолютно нага, пуста и сера, он умудрялся находить в этой сонной спячке скрытую, утончённую эстетику.

Его светлые, пронзительные серые глаза мгновенно выхватили мой силуэт. Мужчина едва заметно махнул мне рукой, но шага при этом не ускорил — и вовсе не из-за старческой немощи, а просто потому, что принципиально никогда и никуда не торопился.

Сказать по правде, называть Кристофера «стариком» я считала почти кощунством. Несмотря на свой почтенный возраст, он сохранил безупречную статную, гордую осанку. Его взгляд оставался ясным и невероятно острым, а густые светлые волосы лишь слегка тронула благородная седина. Две серебристые пряди у висков превращали его не в дряхлого деда, а в импозантного, элегантного мужчину, который выглядел чертовски стильно и статно даже на фоне этой убогой серой осени.

— Ты, как всегда, вовремя, — негромко произнёс он, остановившись в паре шагов от меня. Его голос, глубокий и спокойный, махом разогнал ноябрьскую тоску.

Стоило наставнику подойти ближе, как Бум ожидаемо не выдержал. Он нетерпеливо заёрзал в кармане, пулей вылетел наружу, мгновенно вернув себе прежние размеры, и принялся возмущённо парить над головой шамана.

— Где тебя бабки носят, старый?! — сердито пропищал он, заходя на крутой вираж перед лицом Кристофера. — Мы тут уже в сосульки превратились, пока тебя ждали!

— Прости-прости, — с мягкой, обезоруживающей улыбкой отозвался мужчина. Он даже не вздрогнув от этого яростного призрачного налёта. — Заглянул по пути в одну лавку на углу.

Подумал, что перед долгой дорогой нам двоим — ну, то есть троим, — не помешает немного подкрепиться чем-нибудь сладким.

Кристофер неторопливо запустил руку в свою небольшую кожаную сумку, висевшую на плече, и извлёк оттуда пару шуршащих крафтовых пакетов. Густой, умопомрачительный аромат свежей выпечки мгновенно разрезал стылый, промерзший осенний воздух, заставляя меня невольно зажмуриться, улыбнуться и сделать шаг навстречу этому внезапному теплу.

Наставник с тёплым прищуром протянул мне первый свёрток. Сквозь тонкую бумагу пальцы сразу ощутили приятный, живой жар. Внутри оказалась пышная, золотистая улитка с корицей, щедро политая липкой сахарной глазурью. Моя неоспоримая слабость, о которой дедушка, конечно же, помнил.

Буму же достался пакет поменьше. Внутри заманчиво шуршало сухое рассыпчатое печенье, вырезанное в форме разных зверушек. Вообще-то духам человеческая еда была ни к чему: они не знали голода и не были способны оценить сложный букет вкусов. Но Бум и здесь упрямо шёл наперекор законам мироздания. Он обожал эти печенья с той же чистой, детской непосредственностью, с какой любила их я много лет назад.

Выглядело это всегда уморительно: стоило духу с восторгом «проглотить» фигурку, как лакомство почти сразу, невредимым, проваливалось сквозь его полупрозрачное тело и шлёпалось на землю. Но дух каждый раз приходил в неописуемый восторг, искренне уверяя нас с шаманом, что ничего вкуснее в своей призрачной жизни не пробовал. Вот и сейчас он радостно «захрустел», заставив Кристофера тихо рассмеяться.

— Спасибо, — искренне выдохнула я.

Я откусила кусочек выпечки, чувствуя, как тепло и эта ненавязчивая, уютная забота наставника окончательно разгоняют остатки утренней хандры.

Мы постояли так ещё пару минут, после чего шаман посерьёзnel и решительно подошёл к широкому, грязному бортику фонтана. Стянув тёмную кожаную перчатку, он зачерпнул ладонью горсть ледяной воды и медленно разлил её по серому камню, вычерчивая длинным пальцем невидимый геометрический узор. Затем Кристофер трижды резко ударил костяшками пальцев по мокрому граниту.

Вода под его рукой звякнула, разлетаясь в стороны мокрыми искрами, воздух над чашей фонтана едва заметно пошёл рябью, словно от сильного жара. Стороннему, случайному наблюдателю могло показаться, что старик просто выжил из ума и балуется с лужами, но я знала — это Ключ.

В Изнанку вели сотни дорог. Кто-то проваливался туда случайно через истончившиеся прорехи в пространстве, кто-то рождался с ментальной «ниточкой», намертво связывающей его с иным миром. Я, со своей проклятой силой, могла бы войти туда одним лишь усилием воли, просто пожелав оказаться по ту сторону реальности. Но наставник ещё в самом начале обучения вбил в мою голову железное правило: *всегда пользоваться ключами.*

Это было вопросом безопасности. Активируя дверь через Ключ, я не оставляла в пространстве слишком яркого следа моей «неправильной» магии. Меньше всего на свете я хотела, чтобы семья или прочие кланы прознали о моих подлинных талантах.

Казалось бы, какая связь может быть между «солнечным», благородным родом и этим сокрытым миром демонов? Увы, связь существовала, и была она древней и прочной. Но я в эти дебри никогда умышленно не лезла. Знала, помнила, но держалась как можно дальше.

Мои кровные родственники, за исключением прямых наследников и редких, из ряда вон выходящих случаев, никогда не посещали Изнанку. Так что Ключи были нужны мне ещё и для того, чтобы спрятаться от всевидящего ока семьи. Было бы крайне скверно — нет, это стало бы для меня настоящей катастрофой, — узнай отец или мать, что я освоилась и закрепились в мире духов гораздо раньше их любимой наследницы Эрики. От одной мысли об их лицах в груди закипало злорадство, смешанное с липкой тревогой.

Повторив ритуал вслед за наставником, я ощутила, как воздух вокруг едва заметно завибрировал, наливаясь тяжестью, становясь плотным и густым, словно кисель. Как только эта странная магия была окончена, мы с Кристофером просто развернулись спиной к фонтану и пошли по широкой, усыпанной гравием тропинке прочь.

Сначала всё вокруг казалось прежним, застывшим: унылый ноябрь, колючий ветер, бьющий в лицо, знакомый до тошноты запах прелой, гниющей листвы. Но стоило нам сделать десяток шагов, как реальность вокруг внезапно вздрогнула и плавно потекла. Ветерок в одно мгновение потеплел, принося с собой густой, дурманящий аромат цветущих яблонь. Я шумно вздохнула, а голые ветви деревьев прямо на глазах принялись торопливо одеваться в сочную, изумрудную зелень.

Мы сделали «круг» по аллее и вновь оказались у того же самого фонтана, от которого отошли буквально минуту назад. Серебряное кольцо на моём безымянном пальце коротко вспыхнуло, сигнализируя о переходе, и я тут же поглубже спрятала руку в карман куртки, сжимая кулак. Мы были на месте.

Я подняла взгляд и замерла, ошеломлённая, сколько бы раз ни видела это чудо. Тот же камень, та же чаша с каменной женщиной, но всё вокруг преобразилось до неузнаваемости. Вода в фонтане теперь была кристально чистой, живой и тёплой, а в её прозрачной глубине, среди ярких солнечных бликов, то и дело мелькали блестящие чешуйчатые спинки диковинных рыб. Сам фонтан, хоть и сохранил на себе печать веков, больше не выглядел жалко и заброшенно — в нём проступило истинное величие. Из кувшина каменной девы, весело журча и плескаясь, с шумом бежала вода.

Мы официально пересекли границу. Изнанка встретила нас торжествующим, ликующим маем. Здесь мир буквально благоухал, утопая в неистовых, сочных красках буйного цветения, словно изнанка реальности отчаянно пыталась извиниться передо мной за ту промозглую серость, которую мы только что оставили по ту сторону завесы.

Двери между мирами часто напоминали зеркальное отражение: тот же старый парк, те же привычные очертания аллей, но вот архитектура за его пределами подчинялась совершенно иным законам. В человеческом мире этот парк находился в черте обычного, серого спального района, однако здесь, в Изнанке, это место считалось глубокой окраиной. Вдали от ослепительного блеска Столицы здесь, в тишине и тени мая, мирно обитали лишь низшие демоны и безобидные духи.

В отличие от бесплотных призраков, демоны обладали плотной, осязаемой физической формой. Чаще всего они искусно сохраняли человеческий облик, но их неизменно выдавали черты древней крови: витиеватые рога, перепончатые крылья за спиной или глаза, чьи зрачки блестели неестественным цветом. Каждый из них от рождения был наделён уникальным даром — от тонкого манипулирования чужими эмоциями до полного подчинения яростных стихий. Чем выше был ранг демона, тем сокрушительнее становилось его могущество и тем ближе к сияющей Столице он имел право селиться.

Я всего пару раз была в Столице во время великих празднеств. Я тогда буквально вымолила у наставника эти экскурсии, замороженная мрачным величием готических замков и неоновым сиянием артерий города.

Но обычно наши тропы пролегали по тихим окраинам или уединённым деревушкам. Мы подолгу гостили у дружелюбных местных жителей и уходили глубоко в дикие, нетронутые чащи за редкими травами и кореньями, что никогда не проросли бы в обычном мире — даже в самых потаённых, девственных его уголках.

Я никогда не упускала возможности поговорить с высшими духами или низшими демонами. В местной иерархии они стояли примерно на одной ступени «эволюции», с той лишь разницей, что у демонов было смертное тело, и жили они в разы меньше, чем высшие духи, чей возраст мог насчитывать тысячи лет. Тем не менее по чистой силе высшие духи часто превос-

ходили демонов третьего и второго класса: они были полноправными хозяевами территорий, способными подчинять своей воле целые леса и ревностно защищать свои границы от непрошенных гостей.

И как раз таки в обитель одного из таких высших духов мы сегодня и держали свой путь. Ночной лес — излюбленное место учителя, да и для меня оно за эти годы стало почти вторым домом. Сердце сладостно сжалось от предвкушения: мне уже не терпелось поскорее покончить со всеми мелкими делами на окраине и наконец отправиться в его прохладную, вековую чашу.

Я глубже, всей грудью вдохнула сладкий аромат цветущей природы и запрокинула голову к лазурному небу, заморожено наблюдая за тем, как редкие облака лениво складываются в причудливые формы. Здесь мне всегда дышалось куда легче и свободнее. Слово я изначально была создана для этого дикого, честного мира, а судьба просто глупо ошиблась наводкой, подкинув меня при рождении не тем людям.

Я вновь посмотрела на Кристофера. Мужчина с невозмутимым, интеллигентным видом доедал свою булочку, стряхивая невидимые крошки с пальто. И я снова, как и тысячи раз до этого, мысленно поблагодарила вселенную за нашу встречу. Окажись я одна — сгинула бы.

Я ласково, с доверчивой теплотой взяла мужчину под локоть, и мы в его неизменном, элегантном и неспешном темпе побрели по цветущей аллее к выходу из парка.

Когда на горизонте показались первые невысокие, но ухоженные каменные домики, Бум тут же оживился. Почуввав знакомые места, он принялся в нетерпении кружить вокруг нас, то и дело взмывая к черепичным крышам.

Городок, как и прежде, приветствовал нас своей особенной, умиротворённой тишиной. Здесь никто никуда не спешил: демоны и духи мирно, бесшумно скользили по мощёным улочкам по своим повседневным делам, едва ли обращая внимание на двух заезжих людей. И эту пасторальную тишину то и дело нарушали лишь редкие, возмущённые вскрики местных жильцов. Это происходило каждый раз, когда Бум в наглую, совершенно без зазрения совести пролетал насквозь через чужие стены, чтобы просто поприветствовать старых знакомых.

Здесь его, впрочем, как и нас с Кристофером, знали почти все. Так что, хоть обитатели окраины и вздрагивали от внезапного появления моего навязчивого элемента, они всё равно улыбались ему вслед. Пока Бум не начинал язвить и огрызаться — а включать характер он умел мастерски, — все были ему искренне рады. Некоторые демоны даже приветливо выходили на крыльцо своих уютных домов, издали кивая и обмениваясь с нами парой тёплых, дежурных фраз.

Миновав тихий жилой квартал, мы плавно вышли к местной торговой площади. Сумрачный рынок — именно так поэтично величали это место местные жители. Хотя это и была далёкая окраина, куда изнеженная столичная знать заглядывала крайне редко, они всё же здесь появлялись. И всё потому, что только на этих запылённых деревянных прилавках среди откровенного хлама можно было случайно откопать по-настоящему редкие, древние артефакты и нужные в колдовстве штучки.

Нам сегодня здесь тоже кое-что требовалось. Точнее, наставнику. Он нередко обменивал собранные в человеческом мире травы на редкие магические корешки Изнанки. А ещё дедушка просто обожал коллекционировать маленькие фарфоровые и каменные статуэтки. Разумеется, и сегодня его серые глаза загорелись азартным коллекционерским огоньком — он точно не упустит возможности прикупить себе какую-нибудь новую безделушку.

А вот уже после рынка мы двинемся напрямиком в Ночной лес, где нам по давнему, привычному обычаю предстояло провести целую неделю. Кристоферу необходимо было пополнить запасы трав, магических минералов и прочей ритуальной утвари, без которой не обходится ни один уважающий себя шаман. Меня же вся эта гербология и сбор камней интересовали мало. Я ходила в те дремучие края со своей собственной, куда более приземлённой

целью. Только там, под сенью вековых деревьев, я могла свободно, в полную мощь практиковать свою тёмную силу, совершенно не опасаясь любопытных глаз.

Мы всё так же размеренно, подстраиваясь под элегантный шаг Кристофера, бродили вдоль пёстрых прилавков. Я то и дело засматривалась на блестящие амулеты, кости диковинных существ и странные поющие чаши, но понимала, что мне всё это без надобности.

Я ведь не шаманка. Да, я много знаю, умею читать древние знаки и во всём помогаю дедушке, но для моей личной практики материальные проводники были не нужны. В глубине души я всё ещё сомневалась. Я не была уверена, что когда-нибудь окажусь готова полноценно перенять его таланты и занять место истинной шаманки. Так что пока я предпочитала полагаться исключительно на свой врождённый дар и прочие пугающие прелести статуса «проклятой».

Окончив наконец закупки и пополнив коллекцию дедушки изумрудной жабкой и крошечной пунцово-красной птичкой, мы покинули шумные ряды Сумрачного рынка. Но двинулись мы не к границе чаши, а в небольшое придорожное кафе — ещё один наш обязательный ритуал перед поездкой в Ночной лес.

Хозяин кафе — статный низший демон с невероятно пронзительными, холодными, как зимнее небо, лазурными глазами — лично подал нам сытный обед. Местная кухня Изнанки во многом напоминала привычную человеческую: истекающее ароматным соком пряное мясо, запечённые овощи и спелые фрукты. Разве что некоторые потусторонние специи имели специфический, едва уловимый привкус, оставляющий на языке странное, приятно щекочущее покалывание.

Плотно подкрепившись и немного передохнув от бесконечных блужданий между торговыми лавками, мы вышли на остановку. Спустя минут десять, точно к назначенному часу, к бетонной платформе бесшумно подплыл наш транспорт. Со стороны он напоминал привычный человеческий автобус, но был полностью лишён колёс. Его массивный корпус, словно сотканный из плотного сгустка чистой чёрной материи, плавно парил в полуметре над асфальтом, а сквозь окошки пробивался мягкий янтарный свет.

Мы шагнули вглубь. Внутри просторного салона царил приятная прохлада и едва уловимый, успокаивающий запах сухих трав. Стоило мне опуститься на мягкое, обтянутое тёмной тканью сиденье у окна, как накопленная за утро усталость от раннего пробуждения и перехода через границу миров навалилась на плечи свинцовым грузом.

Бум устроился в сумке шамана, Кристофер неторопливо открыл свою книгу, а я прислонилась лбом к прохладному стеклу. Путь до соседнего города, граничащего с обителью духа, должен был занять около двух часов — идеальное время, чтобы окончательно выкинуть из головы остатки утреннего кошмара и провалиться в глубокий, спокойный сон под мерное, убаюкивающее покачивание призрачного автобуса.

Наставник осторожно коснулся моего плеча, мягко вырывая из вязких, убаюкивающих объятий сна. Мы прибыли к промежуточной точке маршрута — небольшому городку, точно такой же окраине Изнанки. Здесь поджидал наш последний на сегодня транспорт, которому предстояло довести нас до деревушки у самого подножия Ночного леса.

Пока я сонно массируя веки, пытаюсь окончательно стряхнуть с себя остатки дрёмы, Бум продолжал мирно, безмятежно посапывать на самом дне кожаной сумки шамана. Его единоголосно решили не тревожить: мой хранитель питал к этому транзитному городку особую неприязнь. Местные элементали в этих краях отличались на редкость скверным, задиристым характером и никогда не упускали случая уколоть или задеть чужака побольнее. Пусть спит. Лишние запасы энергии для неизбежных дальнейших перепалок ему ещё точно пригодятся.

Спустя десять минут к перрону местного автовокзала медленно подкатила повозка. На первый взгляд — самая обычная, старая телега с угрюмым кучером, если, конечно, не взгля-

дываться в детали. Мужчина, крепко правивший кожаными вожжами, был низшим демоном, а в упряжке замерли две великолепные духовные кобылы. Их полупрозрачные, иссиня-белые тела едва касались мощёной мостовой, а пышные гривы струились по ветру густым туманом. Казалось, эти создания не бегут по жесткой земле, а плавно скользят по воздуху.

Дождавшись, пока соберутся остальные попутчики, мы заняли свои места. Я устроилась с самого края, облокотившись спиной на шероховатый деревянный борт, и замороженно наблюдала, как резные очертания городка постепенно тают в тёплом изумрудном мареве мая. Пыль дорог мгновенно сменилась ароматом сочных лесных ягод и лугового разнотравья.

Наставник сидел прямо напротив меня. Будучи человеком общительным, он почти сразу втянулся в оживлённый, пустой разговор с другими пассажирами повозки. Я честно не собиралась подслушивать чужие разговоры, но в тесном пространстве телеги не услышал бы их разве что глухой. Кристофер умело и легко поддерживал беседу на любые общие темы, но стоило речи зайти о политических делах Столицы, как шаман мгновенно затихал. Он убирал с лица улыбку и просто внимательно слушал, больше не смея вступать в чужие дискуссии.

— Слыхали новости? — начал новое обсуждение один из попутчиков-демонов, молодой парень и обладатель коротких, аккуратных рогов молочного цвета. — Через неделю представят новую Наследницу. А ещё через семь дней, поговаривают, загремит свадьба.

— Да кто ж об этом ещё не слышал? — тут же охотно подхватил второй, красноглазый мужчина средних лет, поправляя потрепанный воротник плаща. — В Столице сейчас из каждого угла об этом трубят, всю газету штампуют. Видите, даже до наших дремучих захолустьев эхо докатилось.

— Поговаривают, девчонка — писаная красавица, истинный ангел, да и магической силой её природа не обделила, — первый демон задумчиво коснулся кончиками пальцев своих белых рогов, будто перебирая в памяти обрывки услышанных на рынке слухов. — В их роду и без того силы всегда было хоть отбавляй, а у неё, говорят, и вовсе дар за гранью возможного. Чистое солнце.

— Разумеется, красавица. Ты хоть раз видел в семье «солнечных» уродцев? Восберги — они же все как на подбор, — вмешался в разговор третий попутчик, бесстрастно поблёскивая ярко-синими, почти неоновыми глазами.

— Ну, не скажи, — заговорщицки понизил голос красноглазый демон, и в воздухе тесной телеги мгновенно разлилось напряжение. — До меня долетали весьма любопытные слухи. Поговаривают, что в этом поколении их первенец проклятым родился.

При этих словах мы с наставником обменялись коротким, почти неуловимым взглядом. Сердце сделало кувырок. Я неосознанно задержала дыхание, впиваясь пальцами в ткань джинсов под курткой, но тут же демонстративно отвернулась к стене проплывающего мимо леса. Я сжала челюсти, изо всех сил стараясь сохранить на лице маску каменного безразличия.

— Да брехня это всё! — громко воскликнул синеглазый, пренебрежительно махнув широкой ладонью. — Родись в таком великом, чистокровном роду проклятое дитя, сам знаешь: беды посыпались бы на наши головы одна за другой. А мы, гляди, живём себе спокойно, горя не ведаем, маем наслаждаемся. Пустые сплетни, не более.

— Оно-то, может, и верно, — красные глаза опасно и хитро блеснули в подступившем к дороге полумраке. — Только вот подобные слухи на пустом месте никогда не рождаются. Что, если это дитя всё-таки существует, м? Что, если его просто прячут от чужих глаз?

— Хватит нести ересь, — сурово отрезал рогатый демон, нахмутив брови. — Будь это правдой, наш мир уже давно содрогнулся бы от скверны. О такой аномалии трубили бы на каждом углу, а само дитя давно бы уничтожили ради безопасности обоих миров. Сами Восберги его первыми бы и придушили в колыбели, дабы честь рода не марать этим грязным отродьем.

Удар. Прямо под дых. Каждое их слово звенело в моих ушах тем самым тонким, сверлящим звоном из детских кошмаров. Грязное отродье. Бракованная. Я чувствовала, как тень

у моих ног начинает подрагивать. Кристофер на скамье напротив незаметно, успокаивающе качнул головой, призывая меня держаться.

— И всё же — красноглазый никак не унимался, смакуя запретную тему. — Не зря же оно, это дитя, упомянуто в пророчестве. А предсказания, как известно, никогда ещё не лгали.

— Ц, тут и возразить-то нечего — неохотно, разом помрачнев, выдохнули остальные пассажиры. В телеге на долю секунды воцарилось тяжёлое молчание.

— Да чушь собачья всё это — ваши пророчества! — вдруг яростно забубнил Бум, штормом вылетая из сумки.

Дух завис прямо перед носами оторопевших, отшатнувшихся демонов, буквально раздуваясь и бурля от праведного негодования.

— Ни вы, ни ваши плешивые, полоумные пророки ничего в истинной силе не смыслите! — пропищал он, и его водяное тело пошло рябью. — Что вы вообще прикопались к этому несчастному ребёнку?! Вместо того чтобы попытаться понять, посочувствовать — ведь жизнь у него явно не сахар! — вы в один голос заладили своё: «убить, уничтожить, задушить»! Совсем из ума выжили, дуболомы?!

Я похолодела. В повозке повисла тишина. Демоны ошарашенно уставились на дерзкого духа, и на их лицах уже проступало опасное недоумение.

Прежде чем Бум успел ляпнуть что-нибудь совсем непоправимое, я молниеносным движением сцапала его в ладони. Сжала пальцы, буквально затыкая этот безрассудный, развязный и слишком преданный язык. Водяное тело элементаля протестующе запульсировало, обжигая ладони ледяной влагой.

— Прошу прощения! — быстро, на одном дыхании выпалила я, натянув на лицо самую растерянную и глупую улыбку, на какую только была способна. Щёки нещадно жгло от бешеного прилива крови. — Он порой бывает слишком слишком резким и несдержанным. Пожалуйста, не сердитесь на его глупость, он не хотел никого задеть.

Наставник напротив меня прикрыл глаза и едва заметно, устало качнул головой — то ли предостерегая меня от дальнейших оправданий, то ли искренне сочувствуя этой неловкой сцене.

Взгляды попутчиков, к моему огромному, облегчённому выдоху, быстро смягчились. Демоны добродушно усмехнулись, глядя на барахтающегося в моих руках водяного недотёпу, который всё ещё отчаянно пытался пускать пузыри и что-то невнятно пропищать сквозь мои плотно сжатые пальцы.

— Да брось, не переживай ты так, Рут, — лениво отмахнулся синеглазый демон, и в его рокочущем голосе снова скользнули мягкие, добродушные нотки. — Мы ведь далеко не первый раз с вами в одной телеге едем. Давно знаем, что твой хранитель — тот ещё правдоруб и мелкий болтун. Стоит только при нём завести речь о проклятых, как он тут же из себя выходит. Мы не в обиде на дурачка.

Я лишь коротко, виновато кивнула в ответ, силой заталкивая Бума поглубже в карман куртки. Дух, продолжая обиженно и шумно сопеть, юркнул на самое дно, сердито свернувшись там в мокрый комок.

Я не могла по-настоящему злиться на него за эти опасные эскапады. Каким бы нелепым, ворчливым и трусливым он ни казался со стороны, в своей прямолинейной манере Бум всегда — абсолютно всегда — пытался меня защитить. Закрыть собой от чужой ненависти.

Ведь то самое «проклятое дитя», о котором со страхом судачили демоны То самое грязное отродье, которое, согласно легендам Столицы, должно принести неминуемую гибель всему живому — это я. Если, конечно, верить пожелтевшим строкам древнего пророчества, перечеркнувшего мою жизнь.

Дорогая семейка верила в это дурацкое пророчество свято. Именно поэтому от меня годами судорожно скрывали любые знания рода: не заикались об Изнанке, обрывали разговоры

на полуслове и ни разу не обсуждали при мне тонкости нашей родовой магии. Смешно вспомнить. И ладно бы действительно было чего опасаться! За все те долгие годы, что мне упрямо вдалбливали в голову, будто я — первородное зло, я бесчисленное количество раз заглядывала внутрь себя. И знаете что? Не находила там ни единого сходства с тем монстром из древних преданий.

Да, во мне есть тьма, но в сердце никогда не было ни жажды власти, ни желания стереть «любимую» родню в порошок, ни прочей каноничной злодейской атрибутики.

Я раздражённо хмыкнула и сильнее натянула капюшон на глаза, вспоминая строчки писанины. Согласно бумажке, мне предназначено стать безвольным сосудом для древнего зла, помочь ему возродиться и укрепить его кровавую власть над мирами. А остановить этот грядущий кошмар, разумеется, — священный, почётный долг моей «лучезарной» сестрицы Эрики и высокородного наследника демонской линии. Ради этой великой цели раз в несколько столетий наши кланы и объединяют себя узами брака, чтобы совместными силами вновь усыпить чудовище. По всем законам жанра, мне сейчас полагалось бы коварно мешать их союзу, плести интриги и тайно готовить почву для воцарения тьмы.

Но вот ещё! Сдалось мне это древнее нечто. Нашли дуру. Пусть сестрёнка со своим пафосным демоном женятся, закатывают пир на весь мир и развлекаются со своим «злом» сколько их душе угодно — лишь бы меня оставили в покое.

К огромному счастью, демонский клан о моём существовании даже не подозревает. Родственнички прятали меня так искусно и параноидально, что можно сказать, в официальных хрониках меня никогда и не было вовсе. Отец с матерью, и правда с превеликой радостью пришибли бы меня, чтобы избавить мир от мнимой угрозы, а себя — от несмываемого позора. Но вот незадача: судьба упорно отказывалась меня забирать.

Горькая усмешка задела губы, когда я взглянула на свои ладони. В детстве меня «случайно» пытались утопить в семейном пруду — я неизменно выплывала. Толкали с крутого обрыва во время прогулок — я каким-то чудом возвращалась домой без единой царапины. Даже яд, заботливо подлитый в мой бокал, при соприкосновении с губами превращался в самую обычную воду. Уж не знаю, кто именно так ревностно меня оберегал — далёкие небеса или то самое дремлющее «зло» внутри, — но умереть мне физически не дали. В итоге, окончательно устав от череды неудачных покушений, меня просто заперли с глаз долой, вычеркнули из семейной истории и предпочли сделать вид, что меня стёрли из бытия.

Собственно, именно поэтому меня и держали в информационном вакууме. Клан наивно полагал: раз уж убить не получилось, то пусть девчонка хотя бы останется глупой, слепой и ничего не знающей о своей истинной природе. Да вот только в своём паническом страхе и беспросветной глупости они совсем за мной не следили. Можно сказать, сами пустили всё на самотёк, предоставив меня самой себе. И они даже не догадываются, что в итоге я узнала о тайнах нашего «солнечного» рода куда больше, чем они того хотели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.